

и таких прозрачных родников с живой водой (конечно с живой!), как у нас.

Новое и старое, самобытное, как бы сплелось у нас в затейливые кружевные узоры. Рядом с колхозными электростанциями стоят еще деревянные шатровые церкви¹, а в Тарногском районе женщины и по сей день носят расшитые бисером кокошники.

К северу от Вологды что ни район, то свой особый говорок.

Печатать мои стихотворения начали в 1928–1929 годах в районной газете «Никольский коммунар» и в газетах Великого Устюга. Несколько стихотворений было напечатано в московском журнале «Колхозник».

По окончании семилетки и Никольского педагогического техникума я был сельским учителем в Чебсарском районе Вологодской области. В 1932 году при Вологодском пединституте сдал экзамены на звание преподавателя литературы и русского языка неполной средней школы.

Позднее меня перевели на работу в Архангельск, в Северное отделение Союза советских писателей. Там, в Архангельске, в 1934 году вышла первая моя книжка стихов «Песни Северу».

На поверку нередко оказывается, что первая книга – лишь проба пера. Именно это я почувствовал применительно к себе и поэтому переехал из Архангельска в Москву и поступил в Литературный институт. Учился и одновременно работал заместителем редактора газеты ткацкой фабрики и печататься снова начал лишь спустя три года.

В войну был вместе с моряками в батальонах морской пехоты Балтики, на кораблях Волжской военной

---

¹ Шатровые церкви – церкви с куполом в форме шатра.

флотилии под Сталинградом и на Черноморском флоте то в качестве редактора краснофлотской газеты, то политработником¹. Много писал очерков, заметок, стихов, рассказов.

Первая моя московская книга «Северянка» была издана Гослитиздатом² в 1938 году. Через два года в том же издательстве вышла поэма «Мать» (в новом варианте «Мать и сын»). С той поры опубликовал немало сборников стихов и поэм. Среди них «Земля богатырей», «Земляки», поэма «Алена Фомина», «Советский человек», «Свежий хлеб» и другие³.

После войны много ездил по стране, подолгу жил в колхозах Севера, на новостройках – на Волго-Доне, Куйбышевской и Сталинградской ГЭС. Был на целинных землях Алтая, учился на курсах трактористов. Кое-что из пережитого нашло отражение в стихах.

Для писателя естественно желание видеть как можно больше, всегда быть вместе с народом.

ЖУРАВЛИ

Сила слов

Были в детстве моем и праздники, и весна не одна, и не одна золотая осень. Много было всего. Были и свои журавли в небе.

---

¹ *Политработник* – работник, занимавшийся воспитательной работой в армии.

² *Гослитиздат* – Государственное литературное издательство.

³ Помимо стихотворений, А. Я. Яшин написал ряд прозаических произведений: повести «Сирота», «Вологодская свадьба», рассказы «Баба-Яга», «Угощаю рябиной».

Когда с полей убирали хлеб, поля становились шире и светлее, чем прежде, горизонт отодвигался куда-то вдаль. И над этой ширью и золотом появлялись треугольники журавлей. Для детей это время птичьих перелетов всегда празднично. Мы выбегали из домов, неслись за околицу и кричали вдогонку журавлям:

Журавли, журавли,
Выше неба и земли
Пролетайте клином
Над еловым тыном,
Возвращайтесь домой
По дороге прямой!

Или много раз повторяли, приплясывая, одни и те же слова:

Клин, клин журавлин,
Клин, клин журавлин!..

Птицы шли по небу ровно, спокойно, красиво.

Но находились озорники, которые не желали добра птицам, хотели расстроить их порядок. Бывало, какой-нибудь босоногий заводила вдруг вопил истошным голосом:

Передней птице
С дороги сбиться,
Последнюю птицу –
Вицей, вицей.
Хомут на шею!
Хомут на шею!

Или:

Переднему – хомут на шею,
Заднему – головешку под хвост!..

И часто журавлиный треугольник неожиданно начинал ломаться, птицы, летевшие сзади, рвались вперед либо уходили в сторону, а вожак, словно испугавшись, что он остался впереди совсем один, круто осаживал, делал поворот и пристраивался в хвост колонны. Мы удивлялись силе наших слов, визжали от удовольствия. Но кто-нибудь из взрослых давал подзатыльник озорнику, и хорошие чувства брали верх в детской душе. Мы в раскаянье кричали уже хором, чтобы слышнее было:

Клин, клин журавлин!
Путь-дорога!
Путь-дорога!

Кричали до тех пор, пока журавли не выравнились.

И вот опять вспомнилось мне детство.

В этом году дожди, затяжные, упрямые, начались так рано, что стало казаться, будто вовсе не было лета. Свету не доставало даже в полях, и утром и в полдень было одинаково пасмурно. Сырость пронизала небо и землю, в самом густом лесу не оставалось ни одного сухого места. Дороги испортились, поплыли, шипели, как тесто в квашне, вылезая на стерню¹, на луговую отаву². Листья на деревьях, всегда мокрые, не желтели и не облетали, сколько ни свистел ветер по ночам. Где же «бабье лето»? Где золотые рощи? Где кружевная паутина на скошенных лугах?.. Наверно, и птицы уже улетели, давно улетели...

---

¹ *Стерня* – сжатое поле.

² *Отава* – трава, выросшая на месте скошенной в тот же год.

Рис. В. Федотова

Но вот выдался солнечный денек. Потом другой, третий... И стала осень делаться заново. Пришла тишина, мягко пригрело солнце, подсохла земля, даже дороги стали проезжими. А когда просохли на деревьях листья, оказалось, что они давно желтые. Как-то утром, проснувшись, моя дочка глянула в сад на засверкав-

шую осинку и ахнула: «Папа, у тебя под окном красавица!» Потом закружилась и листва в воздухе, облетели осинки, березки, тополя, даже дубы начали понемногу оголяться. Совсем сквозным стал орешник, и откуда ни возьмись на опушку рощи выступили вдруг елочки.

А солнце с каждым днем становилось нежнее к земле, ласковее. Казалось, и так красиво кругом, а оно как выглянет, как начнет наводить порядок – не налюбуйешься, не нарадуешься.

Наконец затрубили, закурлыкали журавли в небе. Все-таки взяла осень свое и на этот раз: появились над полями птичьи треугольники. Станным показалось это: зачем они покидают нашу землю? Все устроилось так хорошо, стало тепло и тихо, сейчас бы жить и жить, а вот улетают.

Стою я на крыльце, вспоминаю детство, слежу за журавлями и вдруг вижу – нарушился их строй, сбились птицы в кучу, заходили кругами, стремительно набирая высоту. словно самолет пронесся близко, – завертело их ветром, подкинуло.

Но мне представилось, что это опять ребяташки-озорники из какой-нибудь соседней деревни сбили журавлей с толку обидными словами. Я поверил в это, и такое доброе чувство к летящим птицам охватило всю мою душу, что я не заметил, как начал, правда, негромко, почти про себя, но все-таки вслух шептать слова, которые знал с детства: «Клин, клин журавлин! Летите не сбивайтесь, домой возвращайтесь!.. Путем-дорогой! Путем-дорогой!..»

И вот уже выправились журавли моего детства, угомонились их всполошенные голоса, и, благодарные, полетели птицы все дальше и дальше под ясным солнцем родного края, полетели путем-дорогой.

Всполошились над лесом вороны,
 Разгласили окрест:
 «Всеми! Всеми!»
 Мол, разлежся в бору зеленом
 Человек – не поймешь зачем.

Взбудоражены криком тревожным,
 Навещать стали звери меня.
 Даже лис, на что осторожный,
 Тоже выглянул из-за пня.

Невпопад, как из сказочной пущи,
 На лосенка похож,
 Со всех ног
 Налетел на меня заблудший
 Мокрогубый чей-то телок.

Любознательна до смешного,
 Белка цокнула над головой:
 Ну разлежся, и что ж такого?
 Может, здесь и жизнь для него.

Впрямь – живу!
 О вчерашнем, зряшном
 Позабыл в родной стороне.
 Значит, я не такой уж страшный,
 Если звери идут ко мне.

А вороны?..
 Да ну их к Богу!
 Я ж в своем, не в чужом бору.
 Пусть кричат, поднимают тревогу –
 Я от карканья не умру.

СТАРЫЙ ВАЛЕНОК

— Ну как жизнь, старина? — ежевечерне спрашивал у своего приятеля седобородый нечесанный Лупп¹ Егорович.

Толстый ленивый кот, давно прозванный Старым Валенком, спросонья поворачивал голову, чуть приоткрывал глаза и нехотя мурлыкал что-то невнятное. Можно было подумать, что он говорил: «И как тебе не надоест из года в год спрашивать об одном и том же? Ну, живу по-прежнему! Вверх головой! Чего тебе еще? Человек!»

Лупп Егорович и Старый Валенок много лет жили вместе, и каждый думал, что он старше другого. По этой простой причине, по старости, они были одиноки, и обоим казалось, будто и дружат они лишь потому, что больше дружить не с кем и остается одно — терпеть друг друга.

Но в их отношениях, кроме семейной привязанности, было взаимное уважение, а временами даже любовь.

Когда кот был молод и прост, он повсюду следовал за своим хозяином. Приохотился Лупп Егорович ходить перед праздником на рыбалку — и кот за ним. Поймает старик мелкую рыбешку: уклейку, пескарика или ершика, — выбросит на берег, а кот ее съест.

— Хоть бы посолил! — потешался над Старым Валенком Лупп Егорович.

Но коту нравилась рыба и несоленая, была бы она живая. Сидит старик с удочкой, не шевелится, а рядом у края воды рыбачит кот, сторожит всякую мелочь,

---

¹ *Лупп* — имя происходит от латинского *lupus* (волк); небесным покровителем человека, носящего это имя, церковь считает святого мученика Луппа (конец III — начало IV века).

проплывающую возле бережка. Подплывает рыбка совсем рядышком, – в прозрачной воде она кажется крупной, – цапнет ее кот лапой и удивляется, что в лапе ничего нет. А Лупп Егорович хохочет:

– Это тебе не мыши!

Приохотился хозяин в силки¹ рябчиков ловить – и кот начал промышлять птичек в лесу и на огороде.

Со временем приятели даже внешне стали походить друг на друга: Лупп Егорович, обзаведясь большой бородой и пышными бровями вроде двух кошачьих хвостов, все больше смахивал на лохматого кота, а пушистый Старый Валенок – на Луппа Егоровича. Но сами они не замечали этого и любезничали друг с другом редко.

Старый Валенок с годами становился высокомерен, заносчив. Он презрительно смотрел со своей лежанки на возвращающегося поздней ночью волосатого Луппа и не трогался с места, даже когда тот начинал его гладить вдоль спины, только вытягивал хвост, чтобы рука старика прошла и по хвосту. Мурлыкать от удовольствия, урчать, как положено всякому зверю кошачьей породы, Старый Валенок тоже не всегда находил нужным. А о том, чтобы сойти с лежанки, встретить приятеля у порога с задраным хвостом и потереться о его подшитые и заштопанные во многих местах катанки², он и думать не хотел. Такого случая ни он сам, ни Лупп Егорович уже не помнили. И если кот все-таки мурлыкал, то Лупп Егорович говорил:

– Мурлычешь, значит, жрать хочешь. Так просто, по доброте душевной, ты не замурлычешь.

---

¹ *Силки* – приспособления в виде скользящей петли для ловли птиц и мелких животных.

² *Катанки (катаники)* – валенки.

Рис. В. Краева

Если бы не Лупп Егорович, Старого Валенка вообще не было бы на свете. Но разве он это понимает? Покойная жена Луппа Егоровича, Настя, держала в доме кошку, не запрещала ей даже котиться, но всякий раз уничтожала весь приплод. Положила однажды она слепых котят в ямку, прикрыла их камнем, а камень лег неплотно, и котята начали пицать. Кошка услышала, заметалась, сама подрыла землю под камнем и вытащила одного котенка живым. Старуха хотела его сразу утопить, но Лупп Егорович воспротивился. «Судьба! – сказал он. – Пущай живет!»

И кот выжил. И стал Старым Валенком.

Лупп Егорович не работал в колхозе, года вышли, но характер по-прежнему имел беспокойный, во все вмешивался, все и всех судил. В поведении Старого Валенка больше всего старика возмущала его молчаливая сонливость. «Как же ты можешь на все закрывать глаза, если ты живое существо?» – часто с удивлением и гневом допрашивал он кота.

Сегодня Лупп Егорович пришел домой подвыпивший и был особенно словоохотлив. Он повесил на

Рис. Б. Шабаяева

крюк рядом с рожковым умывальником¹ полушубок, смахнул кое-какую мокреть с усов, затем пошел на кухню, повозился ухватом в пекарке², вытянул горшок с остатком щей, принес их на стол и крикнул:

– Иди, старина, покормлю!

Кот издал в ответ какие-то влажные булькающие звуки, посмотрел, что ему предлагают и стоит ли из-за этого покидать теплое место, и, осторожно приподнявшись и потянувшись, начал неторопливо спускаться с лежанки, с приступка на приступок. Движения его были замедленны, как и у Луппа Егоровича, должно быть, они все-таки подражали друг другу даже в этом.

---

¹ *Рожковый умывальник* – умывальник в виде сосуда с носиком.

² *Пекарка* – русская печь.

– Не голоден, значит? – с обидой сказал Лупп Егорович, выжидая, когда Старый Валенок спустится с печурки и подплывет к столу. – Не голоден, старый черт, или пенсию уже успел получить? Лежебок несчастный! Ох и ленив же ты, братец, за что только хлебом тебя кормят! Имечко тоже тебе подходящее дадено, заслуженное имечко: Валенок ты – Валенок и есть!

Кот степенно подошел к столу, понюхал протянутую руку с куском хлеба, смоченным в жидких нежирных щах, – от руки пахло не щами, а табачищем, – и отказался есть. Он недовольно мяукнул. «Твое имя лучше, что ли?» – казалось, выговорил он.

– Мое имя, братец, тоже не ахти какое, так в этом не я виноват. Поп на моего отца сердит был за вольномыслие и досаждал ему, чем мог. Народился сын, он и сыну – мне, стало быть, – еще в купели¹ жизнь испортил на веки вечные. А разве я это заслужил? Ты вот заслужил. Твое имя к тебе пристало. Мурлычешь, гад? – ласково заключил свои высказывания Лупп Егорович.

«Мурлычу! – ответил Старый Валенок. – Чего тебе надо?..»

А Луппу Егоровичу ничего не надо было, ему просто хотелось поговорить, ему было хорошо. «Неужто и с котом своим по душам поговорить нельзя?» Уже лет пять, как Настя, старуха, умерла. Дочь вышла замуж, работает вместе с мужем на маслозаводе. «Вот бы тебе, Старому Валенку, где пристроиться надо!» Два сына поучились и уехали из деревни, в начальники ладят выбиться. «Все нынче в начальники лезут!» Об этом бы и хотелось поговорить Луппу Егоровичу, но – кот, что он знает?..

---

¹ *Купель* – большой сосуд, в который окунают младенца во время обряда крещения.

Рис. В. Карасева

– Есть ли у тебя душа? – спрашивает кота Лупп Егорович. – Думаешь ли ты о жизни и как ее, нынешнюю, понимаешь?

Старый Валенок молчит и, недовольный, возвращается на теплую лежанку, на свое обычное место. Там он поджимает мягкие лапы, укладывает вокруг себя пушистый хвост, словно обертывается широким шерстяным шарфом и, безучастный ко всему, закрывает зеленые усталые глаза.

– Вот твой главный недостаток: равнодушный ты! Жизнь идет, а ты спишь да спишь, – продолжает выговаривать ему Лупп Егорович. – Нет у тебя души, только шерсть одна. И мышей ты лопаешь с шерстью. Чего глаза закрываешь? Если бы у тебя была душа, ты глаза не закрывал бы, когда с тобой о деле говорят. Ну выпил я, ну и что? Дочка без внимания не оставляет, ей спасибо: в люди выбилась, не зря учил, человеком стала. От нее всегда поддержка – и маслом и деньгами... Дела, понимаешь, в общем-то, идут, и народ живет, приспособился, а все-таки не надо закрывать глаза, а то движения не будет. Вот говорю я председателю: поставь меня на пасеку, не губи ее, самое это стариковское дело – пасека, выгодно будет. А он что? Не лезь, говорит, не в свое дело, тебе скоро пенсию дадим. Он, стало быть, проявляет инициативу, а мою, эту самую инициативу, куда? Опять же о дочке. Была бы жива старуха, легче было бы, а то мест в яслях не хватает, в детский сад очереди. Вот говорим девкам: учитесь, раскрепощайтесь! А детей кто нянчить будет? Понимаешь, о чем я говорю, или тебе, лежебоку, ни до чего дела нет?

Кот лежал спокойно, ничего не требовал, ни о чем не спрашивал.

В избе наступали сумерки, очертания Старого Валенка начали расплываться. Безразличие кота раздражало Луппа Егоровича, но он понимал, что обижаться на животину бесполезно. Опершись руками о лавку, он тяжело поднялся, прошел к суденке¹ возле печи, ощупью отыскал ложку, кусок хлеба и, вернувшись к столу, похлебал щей. Свет бы зажечь, но к чему? Скоро спать, а пока даже не дремалось. Ночи теперь длинные, спать приходится много, зачем спешить? Охота разговари-

---

¹ Суденка – полка для посуды.

вать еще не оставила Луппа Егоровича. Он снова повернулся к коту и неожиданно рыкнул:

– Дай закурить!

Старый Валенок промолчал.

– Вот видишь, какой ты: с тобой как с человеком, а ты что? Ну выпили мы с Прокопом маленько, посидели, посоветались, души свои разбередили. Поди, и поворчать старикам нельзя? Сколько уже раз колхоз наш то укрупняли, то разукрупняли¹ – как душе не болеть? Пасеку похерили – пчелы, видишь ли, невыгодны, кур похерили – куры невыгодны, лошадей на колбасу – лошади невыгодны. Земля стала невыгодной, лес наступает на сенокосы, на пашни. Того гляди, и старики станут невыгодны. Что же это такое происходит? Опять же говорю председателю: все берега по реке ивняком затянуло, отдай их мужикам исполу², расчистят, пуцай два года косят для своих коров, потом колхозу перейдет, выгодно. А он что? На мелкобуржуазию, говорит, воду льешь... Чего молчишь? – кричит на кота Лупп Егорович. – Ну я выпил маленько, так я дело свое знаю, у меня душа болит. А ты ради чего живешь на земле, за что ты отвечаешь? Где твоя норма? Выполняешь ты свою норму или нет?

Лупп Егорович, у которого язык начинал все больше заплетаться, пришел вдруг в такое возбуждение, что сорвал катанок с ноги и бросил им в кота. Кот встрепенулся, но с лежанки не соскочил, только перешел на другое место. Он, должно быть, привык к подобным выходкам старика, спокойствие не изменило ему. Чуть приоткрылись круглые глаза, блеснул в су-

---

¹ «...то укрупняли, то разукрупняли» – «то объединяли с другим хозяйством, то вновь делали самостоятельным».

² *Исполу* – наполовину.

Рис. В. Симонова

мерках зеленый огонек — и мирное течение жизни в доме восстановилось.

— Ну что, братец, поразговаривали мы с тобой? — стал успокаиваться и старик. — Это хорошо, что ты молчать умеешь, а то нарубили бы мы дров сообща. Пожалуй, этак и пенсию не получим. Не могу проходить мимо, братец ты мой, совесть моя не позволяет. Иные под старость либо косеют, либо слепнут, а я под старость только больше видеть стал. Вот, скажем, обратно плата за труд. Добавочная оплата есть — по животноводству, по льну, по сену, — это все соблюдается. А сам трудодень¹ опять ничего не стоит. Выгодно это людям или невыгодно? А деньги какие хитрые стали!..

Лупп Егорович зевнул. Бесплезность разговора с котом стала для него вдруг настолько очевидной, что

---

¹ *Трудодень* — учетное время труда колхозника, за которое ему начисляется оплата продуктами или деньгами.

он сразу устал и захотел спать. Но заключить разговор надо было так, чтобы на его стороне осталась победа. Он так и сделал:

– Я же не о себе пекусь, понял? Вот сидишь и носом не ведешь. Старый ты Валенок! Брюхач!

Спал Лупп Егорович нераздетым, только катанки снимал и ставил на печку. Один катанок он поставил рядом с котом, другого искать не стал: показалось, кот приоткрыл мудрые глаза и поглядел на него насмешливо, – дескать, сам разбрасываешь, сам и собирай.

– Ну, ладно уж, ладно, поговорили! – сказал Лупп Егорович и погладил кота по голове. Тот не пошевелился.

Обычно Лупп Егорович спал на печи, подостлав под бока ватник¹. Но на печь лезть трудно, сейчас для этого не было ни сил, ни охоты. Поэтому он взял от стола скамью, придвинул ее к другой скамье у стены, положил в изголовье тот же ватник с печки и лег на спину, закинув руки назад, кулаки под голову. Лохматые брови его сомкнулись у переносья, широкая борода закрыла всю грудь, вытянулась до кушака. Засыпая, Лупп Егорович бормотал про себя:

– Как в людях ни хорошо, а дома лучше. Сколь подушка ни мягка, а свой кулак мягче...

Старый Валенок беззлобно, даже доброжелательно поглядывал сверху, как укладывался его хозяин, а когда в избе раздался первый легкий храп, он словно преобразился: выгнул спину, легко и мягко соскочил с лежанки и юркнул в подполье на очередную охоту за мышами. Равнодушия его как не бывало: он пошел выполнять свою жизненную норму...

---

¹ *Ватник* – стеганая ватная куртка.

Ночью луна осветила бревенчатые стены избы, разверстую русскую печь, пустую лежанку-подтопок¹, темный, давно не скобленный стол, на нем горшок с остатком щей, скамьи, сдвинутые вместе, и спящего старика с широкой бородой на груди.

При свете луны из подполья, как привидение, вышел пушистый сибирский кот, крадучись, приблизился к своему старому ворчливому другу, положил ему под бок драгоценный дар – полузадушенную мышь, самую крупную, самую жирную из всех, какие удалось ему промыслить за эту ночь. Затем легко и осторожно, чтобы не разбудить старика, поднялся ему на грудь и, уткнувшись в широкую нечесаную бороду, удовлетворенно замурлыкал.

Вопросы и задания

1. *Каким вы представляете себе А. Я. Яшина по его автобиографическому очерку?*
2. *Какие факты биографии писателя кажутся вам наиболее важными?*
3. *Какие произведения А. Я. Яшина, помимо помещенных в учебном пособии, вам известны?*
4. *В рассказе «Журавли» говорится об одном из знакомых вам по предыдущим классам жанре устного народного творчества – о закличке. Что такое «закличка»? Какие заклички, кроме описанной в рассказе Яшина, вы знаете?*
5. *Обладают ли действительно слова той силой, о которой говорит автор?*

---

¹ *Подтопок* – маленькая печка, пристроенная к русской печи.

6. Почему отношение человека к журавлям – особое, не такое, как к другим птицам?
7. Что хочет сказать автор стихотворения «Всполошились над лесом вороны...»?
8. Какие чувства выражены в этом стихотворении? Чем они вызваны?
9. Найдите в тексте стихотворения строку, выражающую его главную мысль.
10. Подходит ли коту Луппа Егоровича кличка Старый Валенок?
11. Какими человеческими чертами он наделен?
12. Почему Лупп Егорович любит разговаривать со своим котом?
13. Есть ли разница между тем, что говорит Лупп Егорович Старому Валенку, и чувствами, которые он к коту испытывает?
14. Как относится кот к речам и поведению своего хозяина?
15. Отличается ли отношение автора к Старому Валенку от отношения к коту Луппа Егоровича?
16. Чего больше в рассказе «Старый Валенок» – смешного или грустного?
17. Какой эпизод рассказа понравился вам больше других?

